

И.Е. Денисов

Распад СССР и современная китайская идеология

Аннотация. Исследование показывает эволюцию китайского восприятия распада СССР от 1991 г. до настоящего времени. Нарратив о причинах распада СССР рассматривается как центральный элемент современной китайской идеологии и политическая технология, последовательно адаптируемая под задачи партии. В работе доказывается, что эволюция китайской интерпретации краха СССР и КПСС неотделима от изменений политического языка. Язык выступает не пассивным отражением, а активным инструментом формирования идеологической повестки. Такой ракурс позволяет увидеть не только содержание так называемых уроков СССР, но и то, как соответствующее знание оформляется, закрепляется и начинает работать в качестве политической и управленческой нормы. Особое внимание уделено периоду 2012–2013 гг., когда после прихода Си Цзиньпина к власти произошел поворот к новому прочтению советских уроков, основанному на критике исторического нигилизма. Тем самым показывается, как историческая память становится конструируемым и управляемым политическим ресурсом. В заключении раскрывается парадокс функционального истощения этой технологии. По мере того, как «советский урок» становится все менее релевантным для реагирования на новые вызовы, он превращается в ритуальный элемент идеологической индоктринации. Между тем реальный интерес китайских стратегов смещается к изучению работающих политических технологий современной России.

Ключевые слова: Китай, КПСС, распад СССР политический дискурс, модернизация, реформы, идеология, исторический нигилизм, Си Цзиньпин.

Автор: Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

I • E • 杰尼索夫

苏联解体与当代中国意识形态

摘要: 本研究展现了1991年至今中国人对苏联解体认知的演变。关于苏联解体原因的叙事被视为当代中国意识形态的核心要素，也是一项不断适应党的目标的政治技术。本文证明，中国人对苏联和苏共崩溃解读的演变与政治语言的变化密不可分。

语言并非被动的反映，而是塑造意识形态话语的主动工具。这一视角不仅使我们能够理解所谓“苏联教训”的内容，还能让我们了解这些知识是如何形成、巩固并开始作为一种政治和管理规范发挥作用的。本文特别关注了2012—2013年期间，在习近平开始执政后，出现了一种基于历史虚无主义批判的对苏联教训的重新解读。这揭示了历史记忆如何成为被设计和操纵的政治资源。本文结论揭示了该技术功能性枯竭的悖论。随着“苏联教训”越来越不适于应对新挑战，它沦为意识形态灌输的仪式性元素。与此同时，中国战略家的真正兴趣正转向研究正在运行中的现代俄罗斯政治技术。

关键词：中国；苏共；苏联解体；政治话语；现代化；改革；意识形态；历史虚无主义；习近平

作者：伊戈尔·叶夫根尼耶维奇·杰尼索夫，莫斯科国际关系学院高级研究员。
ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Igor E. Denisov

The Collapse of the USSR and Contemporary Chinese Ideology

Abstract. The study shows the evolution of Chinese perceptions of the collapse of the USSR from 1991 to the present. The narrative about the causes of the collapse of the USSR is seen as a central element of contemporary Chinese ideology and political technology, consistently adapted to the tasks of the party. The study argues that the evolution of the Chinese interpretation of the collapse of the USSR and the CPSU is inseparable from changes in political language. Language is not merely a passive reflection, but an active tool for shaping the ideological agenda. This perspective allows us to see not only the content of the so-called «lessons of the USSR», but also how the relevant knowledge is formulated, consolidated, and begins to function as a political and administrative norm. Particular attention is paid to the period 2012–2013, when, after Xi Jinping came to power, there was a shift towards a new interpretation of Soviet lessons based on criticism of historical nihilism. This reveals how historical memory becomes a constructed and controllable political resource. The conclusion reveals the paradox of the functional exhaustion of this political technology. As the “Soviet lesson” becomes decreasingly relevant for responding to new challenges, it turns into a ritualized element of ideological indoctrination. Meanwhile, the real interest of Chinese strategists is shifting to the study of the working political technologies of contemporary Russia.

Keywords: China, CPSU, collapse of the USSR, political discourse, modernization, reforms, ideology, historical nihilism, Xi Jinping.

Author: Denisov Igor E., Senior Research Fellow, MGIMO University. ORCID ID: 0000-0001-5447-1164 E-mail: iedenisov@yahoo.com

Введение

Распад Советского Союза и уход КПСС с политической сцены в 1991 г. стали одними из самых значительных событий XX в., преобразивших геополитический ландшафт мира. Для Китая, который в тот момент находился на пути модернизации под руководством Дэн Сяопина, это стало не только историческим шоком, но и источником глубоких размышлений, во многом определивших ход дальнейших реформ. В разные периоды постсоветской истории КПК по-разному интерпретировала причины распада СССР, отражая тем самым меняющиеся политические приоритеты и вызовы, с которыми сталкивалась партия.

Несмотря на увеличивающуюся историческую дистанцию, эта тема сохраняет свою актуальность и приобретает особое значение для анализа механизмов идеологической консолидации при Си Цзиньпине. В последние годы отечественная синология обогатилась рядом значительных работ, в которых с разных сторон анализируется советский опыт в китайской оптике, а также уточняется его роль в формировании современного курса Пекина. О.Н. Борох и А.В. Ломанов детально прослеживают эволюцию подходов руководства КПК к советской модели, связывая эту рефлексию с формированием теории «модернизации китайского типа» [Борох, Ломанов, 2021, 2024]. А.В. Лукин рассматривает вопрос о том, какую роль дистанцирование от опыта СССР играет в конструировании концепта «новой формы человеческой цивилизации» [Лукин, 2023]. С.Н. Гончаров фокусируется на содержании понятия «выпрыгивание из исторического цикла», показывая, как тема предотвращения упадка государственности, основанная на исторических уроках СССР, была интегрирована в новую идеологию на XX съезде КПК [Гончаров, 2022]. И.Ю. Зуенко исследует непосредственную реакцию китайской элиты на события 1991 г. Ученый подчеркивает, что именно тогда был заложен фундамент для доминирования консервативного взгляда на причины распада СССР [Зуенко, 2021]. Исследование китайских школьных учебников, проведенное П.И. Рысаковой, отмечает редукцию образа России до советского периода и статуса правопреемника при минимальном освещении постсоветской истории, что отражает двойственность китайской историографии [Рысакова, 2017].

Основываясь на большом корпусе литературы о восприятии советского опыта в Китае, данной статьей мы пытались внести вклад в академическую дискуссию, в первую очередь обращая внимание на трансформацию политического дискурса на разных этапах развития Китая после 1991 г. КПК, осмысливая противоречия советской модели, вела целенаправленную работу по превращению исторического опыта в политическую технологию. Ключевую роль в этой технологии играет не только сама интерпретация событий, но и тщательный подбор терминов, с помощью которых эти события описываются. Контроль над языком — выбор между нейтральным «распадом СССР» (苏联解体) и экзистенциальной угрозой «гибели партии и государства» (亡党亡国), критика оппонентов с помощью нарратива об «историческом нигилизме» — становится главным инструментом формирования новой идеологической реальности.

Второй особенностью работы стал подробный анализ дискуссий периода 2012–2013 гг., то есть первого года после прихода Си Цзиньпина на высшие партийные и государственные посты. Этот поворотный момент, недостаточно освещенный в ли-

тературе, рассматривается в статье как ключ к пониманию идеологических основ современной китайской политики. Именно тогда, в борьбе за правильные формулировки старая версия «уроков» была вытеснена, а на ее место водружена новая, основанная на критике «исторического нигилизма».

Методологически исследование основано на дискурс-анализе ключевых политических и академических текстов. Такой подход позволяет проследить не только содержательные изменения в интерпретации, но и эволюцию самого политического языка, с помощью которого конструировался образ «гибели партии и государства».

Дэн Сяопин и распад СССР: прагматическая реакция

Политические оценки, данные Дэн Сяопином непосредственно после распада Советского Союза и краха КПСС, во многом основывались на его критическом восприятии советской модели социализма, которое сформировалось задолго до событий конца 1991 г. Дэн выступал с этими взглядами в период горбачевской перестройки, считая ее недостаточной и поверхностной попыткой реформ. По мнению китайского лидера, перестройка не смогла фундаментально изменить природу советского социализма, который, как он полагал, в итоге не мог выдержать экономического соревнования с капитализмом.

В августе 1985 г., во время встречи с премьер-министром Зимбабве Р. Мугабе, Дэн Сяопин сказал: «Что такое социализм? Советский Союз занимался этим много лет, но так и не смог полностью разобраться. Возможно, подход Ленина был лучше — он инициировал новую экономическую политику, но впоследствии советская модель застыла» [Deng Xiaoping, 1993b, p. 11]. Этот тезис подчеркивает критическое отношение Дэн Сяопина к советской модели социализма и его стремление избежать ошибок СССР при проведении китайских реформ. Примечательно, что столь скептическая оценка прозвучала через несколько месяцев после объявления советским лидером М.С. Горбачевым курса на перестройку.

Как отмечает китайский ученый Чжан Лэлин, Мао Цзэдун еще в 1950-х осознал проблемы советской модели. Однако несмотря на это, он не смог выйти за ее рамки, что стало главной причиной тупика в китайском социалистическом проекте [Zhang Leling, 1997, p.7]. По логике Дэна Сяопина СССР оказался не просто ошибочным примером — он стал рамкой, из которой КНР слишком долго не могла вырваться. Ключевой вопрос, который поставил Дэн Сяопин и его соратники-реформаторы: что есть марксизм в новых условиях? Эта постановка прямо противопоставляется догматизированному марксизму в позднем СССР, где критика марксизма считалась крамолью, а адаптация к современности — ересью.

Формула Дэн Сяопина «искать истину в фактах» становится не только методологией, но и антимodelью по отношению к советскому опыту, где именно догматизм и отрыв от реальности стали, по мнению китайского руководства, источником краха партии и государства. Причину трудностей СССР и социалистических стран Восточной Европы Дэн Сяопин видел в чрезмерном централизме, бюрократии и отсутствия гибкости в экономике и управлении.

Анализ ситуации в СССР с критических позиций использовался для обоснования курса экономических реформ в Китае. Третьему пленуму ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) предшествовала интенсивная дискуссия в партии о моделях социализма, и, в частности, об особенностях китайского социалистического пути [Rozman, 2014]. Дистанцирование от советского опыта было одной из главных черт концепции социализма с китайской спецификой, развиваемой Дэн Сяопином [Zuo Fengrong, 2007].

Рефлексия была направлена не на отказ от социализма, а на исправление отдельных внутрисистемных недостатков, особенно в области экономического управления. В частности, критиковались перегибы, связанные с применением советской отраслевой и экономической модели, и недостаточное внимание к специфическим условиям Китая [Sun Yan, 1995, p. 240]. Процесс китайского переосмысления модели развития имел не деструктивный, а коррекционный характер. В отличие от позднего СССР, где пересмотр истории и критика системы привели к делегитимации самой идеи социализма, китайское руководство в конце 1970-х гг. выработало способ интеграции критической оценки ошибок прошлого в конструктивную реформаторскую стратегию, что стало краеугольным камнем устойчивости системы.

В 1987 г. в беседе с представителем руководства Союза коммунистов Югославии Ш. Корошецем Дэн Сяопин подчеркнул, что механическое заимствование чужих моделей без учета национальной специфики в прошлом привело Китай к серьезным затруднениям в экономике и политике. Он отметил, что копирование чужого опыта обернулось торможением производительных сил, идеологической застойностью и снижением инициативы как со стороны населения, так и в низовом звене управления [Deng Xiaoping, 1993a, p. 237].

Данная оценка, прозвучавшая еще до распада СССР, показывает, что Дэн Сяопин, формулируя приоритеты и руководя реформаторским курсом, выстраивал критическое отношение к универсализму советской модели социализма, особенно в ее догматизированном варианте. В отличие от Советского Союза, где в период перестройки происходила институциональная эрозия партии и ее идеологии сверху, Китай, напротив, стремился к идеологической целостности и сохранению вертикали партийного управления — но с подчеркнутой гибкостью и прагматизмом в экономических вопросах.

Дэн Сяопин ясно обозначил интеллектуальную дистанцию от советского пути, предвосхищая ту оценку, которая после 1991 г. ляжет в основу китайской теории реформ: успешная трансформация возможна лишь на основе учета «китайской специфики», при отказе от догматического мышления и безусловного копирования чужих образцов. Реформы, инициированные Дэн Сяопином после 1978 г., не были лишь экономическим сдвигом — они представляли собой концептуальное преодоление зависимости от советской модели, которая доминировала в китайском социализме с 1950-х. В 1980-е гг. Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал, что механическое заимствование советской модели социализма привело в Китае к серьезным структурным проблемам. По его словам, эти трудности были осознаны давно, но своевременно решить их не удалось. В разговоре с президентом Мозамбика Ж. Шисану в мае 1988 г. он признал, что прошлое слепое копирование советской модели принесло Китаю множество проблем, и заявил о необходимости строить «социализм с китайской спецификой» [Deng Xiaoping, 1993c, p. 261].

В контексте реформ, СССР стал негативной системой координат, от которой КНР дистанцировалась через: 1) градуалистские реформы, а не шоковую терапию; 2) встраивание рыночных механизмов без отказа от партийного контроля; 3) осознание специфики национальных условий, в отличие от универсализма советской модели.

Эта аргументация составляет ядро политической идентичности Китая, выстроенной на осмыслении опыта СССР как одновременно исторического ориентира в прошлом и негативного примера в настоящем. Сам крах Советского Союза не стал для Дэн Сяопина и китайского руководства полной неожиданностью. Напротив, он был воспринят как тревожное, но логичное подтверждение внутренней несостоятельности советской модели. Уже в начале 1990-х гг. отрицательный опыт СССР был активно интегрирован в теоретическое обоснование китайского курса реформ и открытости. Советский пример послужил важным источником для осмысления пределов допустимого в политической и экономической трансформации, а также укрепил решимость китайского руководства проводить курс «реформ и открытости» без ослабления руководящей роли партии и отказа от основополагающих идеологических принципов.

Усиление этой настороженности пришлось на период после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда китайское руководство столкнулось с внутренним вызовом, отчасти вдохновленным демократическими настроениями в Восточной Европе и СССР. Статья А.В. Лукина [Lukin, 1991] представляет ценное аналитическое свидетельство того, как советское руководство — и прежде всего сам М.С. Горбачев — воспринимало события на площади Тяньаньмэнь. В то же время в статье содержатся интересные наблюдения о повороте в восприятии перестройки. Лукин подчеркивает, что с точки зрения Пекина именно успешная реалистичность перестройки делала ее опаснее западного либерализма. Пекин, по мнению Лукина, стремился дистанцироваться от советского опыта, особенно после 1989 г. Это подчеркивает фундаментальное расхождение в подходах: в то время как Горбачев настаивал на политической либерализации как необходимом элементе реформ, китайские власти усиливали репрессии после событий на Тяньаньмэнь [Lukin, 1991, p. 135]. В статье Лукина содержится указание на то, что «новое мышление» в советской внешней политике после 1985 г. придало международным инициативам СССР ярко выраженный универсалистский и гуманитарный характер [Lukin, 1991, p. 120]. Отказ от прямой поддержки Пекина после событий на площади Тяньаньмэнь и акцент на универсализме в заявлениях советского руководства были восприняты в Китае как демонстрация ослабления социалистической солидарности, что, в свою очередь, повлияло на усиление настороженности китайского руководства к реформам Горбачева.

Любопытно, что вплоть до событий на Тяньаньмэнь китайские интеллектуалы и ведущие СМИ достаточно благожелательно относились к Горбачеву и его реформаторскому курсу [Li Jie, 2023]. В исследовании Ли Цзе приведено немало примеров завышенных ожиданий китайских исследователей, которые отчасти были продиктованы позитивными переменами в китайско-советских отношениях, но также связаны с ослаблением идеологического контроля внутри Китая и призывами к тому, чтобы «расцветали сто цветов» со стороны тогдашнего генсека Чжао Цзыяна. Например, в 1988 г. известный исследователь Ли Цзинцзе из Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН) на-

звал новое мышление Горбачева величайшим теоретическим прорывом со времен Ленина. Профессор Центральной партийной школы ЦК КПК Цю Гэнтянь проводил параллели между внешнеполитическими новациями Горбачева и концепцией «одна страна, две системы» Дэн Сяопина, которая также базировалась на мирном сосуществовании социализма и капитализма [Li Jie, 2023, p. 77–78].

После событий на площади Тяньаньмэнь и на фоне усиливающихся демократических движений в Восточной Европе Пекин начал воспринимать политику Горбачева как идеологическую угрозу. Усилилась цензура материалов о перестройке [Rozman, 2010, p.460]. Обвинения в «буржуазной либерализации» и в разрушении основ социализма стали частью внутреннего дискурса КПК, направленного на мобилизацию против возможного повторения «советского сценария».

С другой стороны, внешняя линия КНР оставалась сдержанной и осторожной. Пекин предпочел не разрывать официальные связи с Москвой и сохранять дипломатическую вежливость вплоть до распада СССР, не выступая с публичной критикой перестройки и формально признавая ее социалистический характер. Отсюда видна важная черта китайской стратегии — избегать лобового идеологического внешнего конфликта при сохранении внутренней идеологической жесткости.

Уже через три недели после официального прекращения существования Советского Союза, 17 января 1992 г., Дэн Сяопин в возрасте 88 лет инициировал так называемое Южное турне (南巡) — политическую кампанию, направленную на обновление и ускорение реформ, застопорившихся на фоне ожесточенных споров внутри КНР о «социалистическом» или «капиталистическом» характере курса (姓“社”姓“资”) и после краха восточноевропейских режимов [Lu Nanquan, 2014]. Распад СССР стал для китайского руководства не просто геополитическим событием, но и сигналом о необходимости переосмысления курса внутренних реформ.

Эволюция интерпретации распада СССР при Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао

В период после 1989 г. китайские власти оказались под двойным давлением: последствия политического кризиса после подавления выступлений на площади Тяньаньмэнь и внешние западные санкции вызывали опасения относительно того, что продолжение активных реформ может подорвать партийное управление и дестабилизировать общество. По наблюдению Чэнь Чжиминя, в тот период в КПК закрепились трактовка западной линии как враждебной политики, нацеленной на «свержение социалистической социально-политической системы» Китая. Открытость, в свою очередь, стали воспринимать как путь к вестернизации и фактор риска для партии [Chen Zhimin, 2014, p.48]. После декабря 1991 г. параллели с печальной судьбой СССР и КПСС возникали естественным образом.

Под руководством Цзян Цзэминя китайская партийная элита искала способ сформировать ответ, которой объяснял бы провал Советского Союза не как «конец истории социализма», укреплял бы идеологическую легитимность внутри страны и заявлял об уникальной жизнеспособности китайской модели социализма. Политика в этот

период представляла собой сложное сочетание стратегической адаптации, усиления идеологического контроля и решительной защиты от воспринимаемых внешних угроз.

Заявление Цзян Цзэминя о распаде СССР как о «тяжелом поражении мирового социализма», в результате которого в КПК возник «кризис веры», с одной стороны, явилось прагматичным признанием эффекта распада СССР, но, с другой стороны, это была тщательно выверенная политическая оценка ситуации с искусно сконструированной лексической аргументацией.

На Центральной конференции по идеологической и политической работе 28 июня 2000 г. Цзян Цзэминь подчеркнул: *«Резкие перемены в Восточной Европе и распад Советского Союза стали крупной неудачей мирового социализма. Почему же такая страна, как Советский Союз, развивавшая социализм более семидесяти лет, все-таки распалась? Некоторые добросердечные люди испытывают недоумение и растерянность, а в отношении будущего мирового социализма у них возникают те или иные тревоги. Даже среди некоторых членов нашей партии и кадровых работников, пусть и в разной степени, возник «кризис веры». Это объективная реальность, которую нельзя отрицать или игнорировать»* [Jiang Zemin, 2006d, p.78].

Стоит обратить внимание на лексический выбор для обозначения возникших проблем мировой социалистической системы. Цзян Цзэминь намеренно использовал термин *цочжэ* (挫折) — «неудача, провал», который позволял ему признать наличие идеологического кризиса, не принимая при этом саму идею поражения идеологии социализма. В рамках прагматическо-диалектического подхода такой прием может быть интерпретирован как попытка сохранить институциональные позиции КПК путем дистанцирования китайского социализма от краха советской модели и одновременного переформатирования события распада СССР как временного сбоя, а не как системного краха социалистической перспективы.

Термин *цочжэ* играет здесь важную аргументативную роль, позволяя избежать более жестких формулировок вроде *шибай* (失败, крах) или *бэнкуй* (崩溃, коллапс). Его семантика подразумевает сопротивляемость и обратимость — качества, поддерживающие претензию КПК на идеологическую легитимность. Таким образом, лексический выбор иллюстрирует то, что Франс ван Эмерен называет стратегическим маневрированием, при котором участники аргументации стремятся «согласовать стремление к риторической эффективности, ориентированной на принятие, с диалектическими обязательствами, направленными на разрешение разногласий», используя возможности аргументативной ситуации «для того, чтобы направить дискурс... в сторону, наилучшим образом отвечающую их риторическим интересам» [van Eemeren, 2010, p. 42]. В этом контексте выбор термина *цочжэ* позволяет представить глобальный удар не как полную дискредитацию социализма, а как поддающееся исправлению отклонение, тем самым консолидируя идеологические позиции КПК.

Давая подобную характеристику судьбам мирового социализма, Цзян Цзэминь одновременно признает серьезность глобальных перемен, возникших после ухода СССР, но при этом сохраняет преемственность социалистического проекта в Китае. В основу ответа КПК на крушение социализма в СССР и Восточной Европе легли два ключевых стратегических императива. Первый — непоколебимая приверженность

социализму, представленная не как оборонительная позиция, а как закономерный исторический выбор китайской нации. Второй императив — необходимость непрерывных реформ, которые на практике должны доказать динамичность и превосходство китайской модели. Ключевая установка КПК заключалась не в признании социализма нежизнеспособным, а в утверждении, что его успех определяется качеством руководства и постоянной идеологической бдительностью.

При постановке идеологических задач в постсоветскую эпоху Цзян Цзэминь все больше акцентировал внимание на внешних угрозах, особенно на «вестернизации» (西化) и «раскольнической деятельности» (分化). В выступлении на шестом пленуме ЦК КПК 14-го созыва (октябрь 1996) он описывал их как преднамеренные действия «враждебных международных сил» в рамках стратегии «мирной эволюции», которая в итоге направлена на подрыв политического строя Китая и национального единства: «Вестернизация — это попытка в политике заменить руководящую роль КПК и систему демократической диктатуры народа западными многопартийными и парламентскими системами... Раскольническая деятельность — это использование всех средств и возможностей, чтобы расколоть нашу партию, нашу нацию и нашу страну...» [Jiang Zemin, 2006c, p. 573].

Таким образом, открытость, связанная с получением экономических выгод от глобальной интеграции, сочеталась со строгим сохранением внутреннего идеологического и политического контроля, чтобы не допустить «мирной эволюции» по советскому сценарию. Описывая серьезность возникших после распада СССР угроз для Китая в выступлении на совещании в Центральном военном совете в ноябре 1999 г., Цзян Цзэминь привел строчку танского поэта Ли Хэ «Черные тучи нависли над городом, и город готов рухнуть» (黑云压城城欲摧) [Jiang Zemin, 2006e, p. 451].

В этот период анализ кейса распада СССР на первое место ставил критическую ошибку советского руководства — отказ от основных социалистических принципов. Наиболее глубокий урок из советского опыта состоит, по заявлению Цзян Цзэминя, в том, что «отказ от социалистического пути... привел к дальнейшему обострению уже имеющихся серьезных экономических, политических, социальных и этнических противоречий, что в итоге вызвало историческую трагедию в виде краха системы и распада государства» [Jiang Zemin, 2006b, p. 230].

Как отмечает исследователь из Гонконга Ван Яоцзун (Wong Yiu Chung), для китайского руководства после событий в Советском Союзе и Восточной Европе «главным предметом озабоченности стала общественная стабильность» [Wong Yiu Chung, 2021, p. 185]. Это выразилось в акценте на предсказуемости и постепенности при проведении любых реформ. В триаде «реформы — развитие — стабильность» приоритет отдавался именно стабильности. Этот подход воплотился в формулировке Цзян Цзэминя 1999 г.: «Стабильность является базовой предпосылкой реформ и развития; без стабильности ничего не добиться» (稳定是改革和发展的基本前提, 没有稳定什么事情也办不成) [Jiang Zemin, 2006a, p. 260]. Настаивая на «упреждающем пресечении на корню» любых факторов, способных «подорвать общественное единство», генсек дал понять, что реформы должны проводиться в рамках строго контролируемого политического поля, чтобы КПК не повторила опыт институционального распада КПСС.

Американский политолог-китаевед Л. Пай дополнительно пояснял, что политика в эпоху Цзян Цзэминя определялась множеством противоречивых тенденций, однако он также ясно выделял политическую стабильность в качестве главной цели китайского руководства. По мнению Пая, руководство твердо верило, что сохранение монополии на власть КПК отвечает высшим национальным интересам Китая — точка зрения, безупречно объединяющая интересы государства с личными интересами политической элиты. На практике, отмечал Пай, при Цзяне управление выглядело «прозаической, почти бесцветной деятельностью», представляло собой «обыденное, рутинное дело — без чего-либо драматического или крайнего», при этом руководство предпочитало администрирование идеологическим дебатам [Pye, 2015, p. 209]. Такой подход соответствовал психологическим установкам китайского общества, сформировавшимся под воздействием исторических травм после десятилетий нестабильности, восходящей к краху Цинской империи и бурному правлению Мао. «Настроения в стране, таким образом, соответствовало стремлению избегать поспешности в решении каких-либо масштабных политических вопросов», — писал Пай [Pye, 2015, p. 216].

Как замечает Дж. Фьюсмит, новый консенсус не ограничивался партийным консервативным руководством и широкой публикой, но также охватывал и либерально настроенных ученых и экспертов. Если раньше дебаты велись в логике дихотомии «реформы — консерватизм», то распад Советского Союза и события в постсоветской России породили «третий и неприятный выбор: социальный, политический и экономический коллапс» [Fewsmith, 2015, p. 262–263]. Осознание провала российской «шоковой терапии», которая привела к «экономическому и политическому упадку в сочетании с общественным беспорядком», побудило многих китайских интеллектуалов-реформистов умерить прежний энтузиазм в отношении быстрых политических изменений и признать, что реформа — это «куда более сложный, длительный и поэтапный процесс, чем они представляли себе еще несколько лет назад» [Fewsmith, 2015, p. 263]. Таким образом КПК заручилась более широким консенсусом в пользу постепенного хода реформ, ориентированного на стабильность. В рамках этой политики рост и открытость признаются необходимыми, но лишь в той мере, в какой они укрепляют, а не подрывают способность партии контролировать ситуацию в стране.

Теоретическая инновация Цзян Цзэминя в виде идеи «трех представительств» была прямым ответом на одну из предполагаемых ошибок КПСС — ее неспособность адаптироваться к изменяющимся социальным условиям. Новая стратегическая установка КПК была обусловлена осознанием того, что стремительно развивающийся частный сектор Китая требует особого внимания. Особую тревогу вызывало то, что рост влияния частных предпринимателей, происходивший на фоне быстрого расширения рыночной экономики, мог, по оценкам партийного руководства, привести к постепенной вестернизации политического сознания и размыванию социалистических основ, как это произошло в СССР. Как отмечает Цзэн Цзинхань, «растущее влияние частных предпринимателей на фоне стремительного роста частной экономики в Китае больше не могло игнорироваться Коммунистической партией Китая», что побудило партию к поиску формальных альянсов с бизнес-элитой [Zeng Jinghan, 2016, p. 117]. Таким образом, концепция «трех представительств» не только переопределила социальную базу партии, но и формализовала взаимодействие КПК с новыми экономическими акторами.

После прихода к власти Ху Цзиньтао выдвинутая им концепция «научного развития» подчеркивала необходимость сбалансированного, устойчивого роста при сохранении политической стабильности — подход, открыто позиционируемый как средство избежать фатальных ошибок советской системы.

С одной стороны, в китайском анализе подчеркивалось, что экономическая стагнация и издержки плановой системы были ключевыми факторами последующего краха СССР. Это, в свою очередь, оправдывало постоянное внимание китайского руководства во главе с Ху Цзиньтао к развитию «социалистической рыночной экономики» и обеспечению экономического роста как основы легитимности режима. Как отмечал китайский исследователь Сюй Чжисинь, «внутренние и внешние условия, на которых основывалась система плановой экономики в Советском Союзе, в долгосрочной перспективе оказались несостоятельными, поэтому крах этой системы был неизбежен» [Xu Zhixin, 2001, p. 10]. В свою очередь, Чжао Бинмэй пишет, что «отсутствие результатов в течение долгого времени и неспособность обеспечить рост экономики подорвали веру людей в реформы и пошатнули уверенность в социалистическом строе», кроме того, экономический кризис вызвал «кризис доверия к Коммунистической партии, что в свою очередь спровоцировало этнический кризис» [Zhao Bingmei, 2001, p. 2].

С другой стороны, при Ху Цзиньтао начался процесс, в полной мере развернувшийся при Си Цзиньпине — политическую трактовку краха советского проекта в решающей степени стали определять не «советологи» и «русисты», которые опирались на первичные источники и в целом лучше представляли сложные процессы, приведшие к распаду СССР, а идеологи, которые видели в этом результат идейной эрозии и утраты партийного контроля [Huang Yanjie, 2024].

Такая интерпретация подменяла структурный анализ событий нарративом о «предательстве» и «идеологической слабости», делая акцент на верности идеологическим основам как ключевом факторе выживаемости китайского социализма. Ху Цзиньтао подчеркивал, что для КПК «основой партийного строительства является идейно-политическая работа, а ее ядром — теоретическая база». Крах СССР, по его словам, стал прямым следствием плюрализма, который «привел к хаосу в мышлении и полному идейно-политическому разоружению» [Hu Jintao, 2016, p. 453].

В этом ключе советский опыт стал использоваться не как предмет анализа, а как политическое клише, призванное оправдать необходимость ужесточения идеологического контроля и отказа от «неолиберализма». Отражением данного подхода стало широкое распространение в официальных и экспертных публикациях о советском опыте выражения *вандан ванго* (亡党亡国, гибель партии, гибель государства)¹. Использованный ранее термин *Сулянь цзети* (苏联解体, распад СССР) был политически более нейтрален. Этот юридическо-исторический термин фиксировал факт распада государства СССР на суверенные республики без прямой политико-ценностной оценки. В свою очередь, термин *Сугун куатай* (苏共垮台, крах (падение) КПСС) указывал на крушение правящей партии как института, подчеркивая партийный аспект краха

¹ См., например, статью бывшего заведующего Организационного отдела ЦК КПК Чжан Цюаньцзина [Zhang Quanjing, 2008].

советской модели. Новый термин объединяет оба уровня (партийный и государственный), формируя картину единого процесса системного распада и наделяя ее дополнительной идеологической и символической значимостью, а также дидактическим смыслом.

В этом отношении примечательна вышедшая в 2012 г. книга известного публициста и члена Союза китайских писателей Фэн Цзинчжи [Feng Jingzhi, 2012]. Хотя труд Фэн Цзинчжи представляет собой достаточно подробный очерк истории Российской империи и СССР на протяжении XIX и XX вв., в заголовок вынесена формула *вандан ванго* вместе с иероглифом 祭 (*цзи*: поклоняться, поминать; поминание, ритуальный, приносить жертву). Таким образом, автор предлагает интерпретацию распада СССР и гибели партии как завершение всей российской государственности — от империи до советского проекта, как трагический конец российской цивилизации. Советский период показан не в виде отдельного эпизода, а как финальный акт великой российской истории, оборвавшейся в момент утраты символического и структурного ядра, которым являлась коммунистическая партия.

Историческая траектория Российской империи и сменившего его СССР показывается сквозь призму постоянного колебания идентичности между Востоком и Западом. По мнению Фэн Цзинчжи, это не просто культурный или геополитический выбор, а структурный конфликт российской истории: с одной стороны, стремление к вестернизации (реформы Петра I, Столыпина, советская индустриализация, научно-технический прогресс), с другой — тяготение к «восточным» моделям авторитарного государственного контроля, мобилизационной экономики и патерналистской власти. Постоянный конфликт восточного и западного векторов показан как источник институциональной хрупкости. Фэн Цзинчжи исходит из тезиса, что причины распада Советского Союза были заложены значительно раньше 1991 г. — в глубинных противоречиях Российской империи, которые не только не были разрешены после 1917 г., но и усугубились в советский период.

Какой бы период из истории России XIX в или XX в. ни брал автор, во всем ему видится пролог к трагедии распада, цепь нерешенных проблем. Его анализ «столетия метаний русской интеллигенции», «геополитической игры без настоящих союзников» и «проклятия дихотомии Восток — Запад» указывает на восприятие России как государства, постоянно балансирующего на грани внутреннего кризиса из-за своей неустойчивой идентичности и непоследовательной политики. Это контрастирует с официальным китайским нарративом о Китае как о цивилизации-государстве с непрерывной историей и стабильной идентичностью. Заглавие, таким образом, задает телеологическую рамку: все предшествующее 1991 г. — это дорога к потере «государства и партии» как конечной точке. Распад СССР интерпретируется им не как случайность или следствие неудачных реформ, а как кульминация исторической траектории, в которой отсутствие устойчивого социального и цивилизационного фундаментов сделало государство уязвимым перед шоками «долгого XX века». Причем и финальный «прогнозный» вывод автора, сделанный уже в XXI в., весьма пессимистичен. Цивилизационный разлад, по его мнению, уже сформировал устойчивую структурную слабость, не компенсируемую качествами лидеров. «Даже решительный и мудрый лидер, — пишет он, — не может существенно изменить ситуацию в усло-

виях социальной структуры, имеющей множество дефектов» [Feng Jingzhi, 2012, p. 499]. Россия, по его мнению, застряла между двумя цивилизациями, не сумев органично синтезировать в своей политике западные и восточные элементы или выбрать один путь, что и стало первопричиной ее исторической трагедии.

Несмотря на заявленный отход от стандартного подхода, книга остается верна главной цели китайской школы «изучения уроков СССР»: она является дидактическим трудом. С другой стороны, талант публициста, разнообразное содержание, живо нарисованные картинки прошлого, спекулятивно подобранные яркие факты делают книгу мощным инструментом для передачи определенного идеологического месседжа.

Сближает книгу с читателем и то, что анализ истории России оказывается встроен в концептуальный язык китайской политической культуры, где переживание *вандан ванго* — боль от гибели государства — служит не только категорией исторической рефлексии, но и важным предупреждением настоящему. На российском материале воспроизводится схема, хорошо известная китайцам, когда падение государства — это не только институциональный кризис, но и моральная катастрофа всего общества, разрушение гармонии в Поднебесной. В этом контексте Фэн оказывается продолжателем логики, характерной для крупных китайских историков, таких как Хуан Жэньюй (Ray Huang), чья концепция макроистории акцентировала значимость долгосрочных социальных оснований и институциональной устойчивости [Huang, 1988]. Как отмечал историк в предисловии к авторизованному китайскому изданию книги «1587. Ничем не примечательный год», причина упадка династии Мин заключалась «не в личных качествах, а в исчерпанности системы, в которой все — от императора до простолюдина — становились ее жертвами» [Huang Renyu, 1997, Preface, p. 4]. В свою очередь, другой видный историк Ван Хуэй, связывал понятие гибели государства с угрозой распада морального порядка, подчеркивая, что утрата государственности всегда является для китайской мысли не только политической, но и экзистенциальной травмой. В работе «Китай: от империи до национального государства» он формулирует принцип центральности морального порядка: «В каком-то смысле, ядром социального воображаемого является воображение морального порядка. Все социальные отношения должны быть интерпретированы как моральные отношения» [Wang Hui, 2014, p. 66].

Сила формулы *вандан ванго* заключается в том, что она не нуждается в доказательствах и подробных комментариях, риторически она переносит события в соседней стране на китайскую культурную почву. В данной формуле внимание смещается к тому, как партия и государство сцеплены, и что происходит при ослаблении ведущего элемента — партии. Распад СССР и падение КПСС в формуле *вандан ванго* оказывается не просто описанием чужого кризиса, а вызывающим тревогу сценарием, легко проецируемым на собственную ситуацию. В китайской традиции *ванго* — это не только гибель институтов, но и распад нравственного и ритуального порядка. История СССР и постсоветской России становится зеркалом не чужого, а потенциально своего, резонирует с глубинными культурными представлениями о порядке. Распад первого в мире социалистического государства предстает не как случайная череда ошибок, а как результат утраты моральной, административной и институциональной целостности — то есть тех параметров, которые в конфуцианской и легистской мыс-

ли изначально определяли жизнеспособность власти. Однако главное, что формула подчеркивает безальтернативность власти партии в китайской политической системе: КПК — ядро государственности, ее крах неотделим от краха нации и государства как такового.

Восприятие краха СССР и КПСС как трагедии, обусловленной потерей идеологических и институциональных основ, стало центральным элементом партийной политики в период Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Ее чертами стали постепенная идеологизация, усиление партийного контроля, борьба с попытками «размыть» политическую власть КПК и дестабилизировать общество извне. При Си Цзиньпине эти тенденции получили не только системное развитие, но и качественную трансформацию, вызванную новыми оценками внешних и внутренних угроз. Основные усилия были направлены на дальнейшую централизацию политической системы и обеспечение лояльности государственных и партийных чиновников, вопрос же о «советских уроках» был успешно интегрирован в борьбу за «правильное понимание» исторического прошлого КПК и КНР как фундамента партийной легитимности.

Си Цзиньпин: исторический нигилизм как главное объяснение

Термин *вандан ванго* после прихода к власти Си Цзиньпина стал ключевым выражением для описания последствий распада СССР не просто как исторического катаклизма, а как комплексного институционального и идеологического кризиса, причиной которого стала утрата идеалов и разложение правящей партии и ее руководства.

Си трактовал распад СССР как доказательство того, что партия гибнет прежде всего изнутри через идеологическое размывание и кланово-коррупционную автономию элит. Как отмечает австралийский журналист Р. Макгрегор для Си Цзиньпина из множества рисков начала 2010-х (включая «цветные революции» и арабские протесты) главным кошмаром оставалось именно повторение советского сценария. «Си извлек главное предостережение из распада Советского Союза и был потрясен тем, как Коммунистическая партия Советского Союза практически в одночасье исчезла», — пишет Макгрегор. В статье в журнале «Форин Афферс» он подчеркивает, что инициированные Си уголовные дела против высокопоставленных деятелей КПК Бо Силая и Чжоу Юнкана стали сигналом: фракционная политика и «личные уделы» в частных и государственных компаниях, а также в силовом блоке несовместимы с выживанием КПК [McGregor, 2019, p. 22].

Согласно официальным интерпретациям, коррупция была одной из причин, которые привели КПСС к краху. Довольно типичное замечание делает ученый из КАОН Чжу Цидун: «В 1980-е годы подавляющее большинство руководителей КПСС уже стремилось к материальным благам. По мере того как их привилегии постоянно расширялись, они все острее ощущали, что социалистическая система не позволяет им накапливать значительное личное богатство» [Zhu Jidong, 2011]. Чжу Цидун и другие китайские исследователи [Zhou Ya, 2015; Tang Jing, Li Peng, 2014] подчеркивают, что значительная часть партийной номенклатуры в поздний советский

период была деморализована, ориентирована на личное обогащение и заинтересована в приватизации ради передачи богатства и власти своим детям. Сращивание бюрократии с системой привилегий вызвало глубинную трансформацию советской политической системы, а именно институциональные изменения, инициированные ради приватизации власти и ресурсов в пользу ограниченного круга лиц. Это привело, по оценке китайских исследователей, к разложению партийной дисциплины, усилению социальной несправедливости и падению доверия к власти.

Сходные тезисы высказывал и сам Си Цзиньпин, правда, в ряде случаев, прямо не называя Советский Союз, но из контекста понятно, что имелся в виду именно советский опыт. Маркером в данном случае выступает выражение *вандан ванго*, которое в партийной литературе используется для обозначения советского прецедента. На первой коллективной учебе членов Политбюро 18-го созыва 17 ноября 2012 г. Си, ставя задачи по борьбе с коррупцией, отметил: «В последние годы в ряде стран из-за накапливавшихся в течение длительного времени противоречий возникло сильное недовольство среди населения, вспыхнули социальные потрясения, произошло крушение режимов — и одной из важнейших причин этого стала коррупция. Многочисленные факты свидетельствуют: если проблема коррупции продолжает усугубляться, то в конечном счете это неизбежно приведет к гибели партии и государства» [Xi Jinping, 2018b, p. 16].

Вышеприведенные аргументы со ссылкой на «горькие уроки» СССР обосновывали масштабную антикоррупционную кампанию Си Цзиньпина. Начиная с 2012 г. Си в ряде выступлений связывал извлечение опыта из судьбы СССР с важностью укрепления партийного строительства и усиления дисциплины, выстраивания жесткой вертикали власти — по выражению самого Си Цзиньпина необходимо «заключить власть в клетку системы» (把权力关进制度的笼子里). Выражение впервые прозвучало 22 января 2013 г. в выступлении Си Цзиньпина на втором пленуме Центральной комиссии по проверке дисциплины 18-го созыва. Си Цзиньпин потребовал «усилить ограничения и надзор за функционированием власти, поместить власть в клетку системы, сформировать систему наказаний, делающую коррупцию рискованной, механизм профилактики, не позволяющий заниматься коррупцией, и систему гарантий, делающую коррупцию затруднительной» [Xi Jinping, 2018a, p. 388]. Формула о «клетке системы» была повторена Си Цзиньпином 19 апреля 2013 г. в ходе пятой коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК. Поставив на первое место вопросы морально-идеологической чистоты чиновников, Си Цзиньпин заметил, что институциональные проблемы имеют более основополагающий и долгосрочный характер: именно они создают системные условия, при которых коррупция либо подавляется, либо становится устойчивым явлением. «Ключевое значение имеет совершенствование системы сдержек и надзора за осуществлением власти: необходимо, чтобы народ осуществлял надзор за властью, чтобы власть функционировала под светом солнца, чтобы власть была заперта в клетке системы», — отметил генсек [Xi Jinping, 2018c, p. 392]. Здесь стоит обратить внимание на тщательный подбор формулировок: вместо западных «сдержек и противовесов» (制约和平衡, 制衡) употребляется термин «сдержки и контроль» (制约和监督). В ортодоксальных китайских трактовках распада СССР одной из причин краха называется отказ от развития со-

циалистической демократии, ослабление и даже полная ликвидация руководящей роли партии, заимствование западной системы разделения властей [Hang Li, 2001, p. 62]. Несмотря на фразы о надзоре народа над властью, предлагаемая в качестве ответа на крах КПСС модель «сдержек и контроля» означает высокоцентрализованный механизм надзора внутри партийной системы. Как пояснялось в газете «Чжунго цзицзянь цзяньча бао» (中国纪检监察报)², «в деле сдерживания и контроля власти... следует постоянно усиливать всестороннее, всеохватывающее и непрерывное руководство партии... куда направляет ЦК партии в своих решениях, туда и следуют надзор и проверка» [Xiao Yunxiang, 2021].

В первые годы нахождения Си Цзиньпина у власти (2012–2014 гг.), даже у тех, кто видел общие «болезни» китайской и советской систем, вполне естественно расходились подходы к программе практических действий. Часть экспертного сообщества инициативно и, наверное, немного наивно пыталась, основываясь на советском опыте, предлагать варианты, отрицающие сверхцентрализацию власти и кампанейщину. «Корень коррупции — в высокоцентрализованной политико-экономической системе. Для Китая чья институциональная система унаследовала черты советской модели, построение зрелой социалистической демократической политики является залогом политической устойчивости и общественной гармонии», — такой вывод сделал в 2014 г. в своей статье о советской коррупции Хуан Цзюньфу, декан факультета государственного управления и права Университета Дунхуа [Huang Junfu, 2014, p. 31].

Во многом это была тонкая игра: советский пример служил эвфемизмом, позволяя говорить о китайских политических рисках без прямых отсылок к текущей практике. Однако по мере вызревания новой повестки эти предложения стали трактоваться как потенциальная угроза, а советской темой овладели ортодоксы, при этом поле для альтернативных трактовок уроков СССР практически исчезло.

Парадокс ранней эпохи Си Цзиньпина (2012–2013 гг.) состоит в том, что при публичном укреплении консервативной линии по «урокам СССР» внутри партийного аппарата сохранялось пространство для контролируемой полемики. Ситуация вокруг оценки советского опыта была в этот период существенно сложнее, чем это иногда представляется как линейная «ортодоксальная» консолидация. Показателен критический разбор рекомендованного к партийному просмотру фильма «Двадцатилетние поминки по гибели партии и государства в СССР — говорят россияне» (苏联亡党亡国20年祭: 俄罗斯人在诉说)³, сделанный специалистом по СССР и России, профессором Центральной партийной школы Цзо Фэнжун [Zuo Fengrong, 2013].

По мнению Цзо Фэнжуна, рецензируемый фильм не стремится к установлению истины, многие события вырваны из контекста, в нем «отсутствует рациональный анализ, а главная цель заключается в защите сталинской системы... в качестве учебного материала для членов партии такой фильм играет дезориентирующую роль

² Официальный печатный орган Комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины и Государственного контрольного комитета.

³ Первая часть названия фильма дословно воспроизводит заголовок обсуждавшейся выше книги Фэн Цзинчжи, что указывает на формирование устойчивой ритуализованной рамки интерпретации распада СССР.

в отношении реформ» [Zuo Fengrong, 2013, p. 29]. Цзо Фэнжун упрекает создателей фильма в тенденциозном отборе спикеров. Это преимущественно консервативные деятели постсоветского периода и ученые левых взглядов, тогда как главные реформаторы и действующие политики практически не представлены. Такой отбор превращает заявку «россияне рассказывают» в монолог части ностальгирующей советской элиты, а не в актуальный срез рефлексии постсоветского общества.

Еще один упрек Цзо Фэнжун заключается в том, что в фильме распад СССР объясняется через «предательство» партийной верхушки вместо анализа системных причин. Цзо Фэнжун возражает против тезиса о «пятой колонне» как инструменте «мирной эволюции» со стороны Запада, отмечая, что распад СССР был обусловлен внутренними причинами и произошел без внешнего военного вмешательства. Реформы Горбачева, по ее мнению, следует рассматривать как реакцию на уже углубившийся системный кризис, а не как первопричину распада.

С пониманием и сочувствием пишет Цзо Фэнжун о раскрытии «темных страниц» прошлого в период гласности, возражая против обвинений инициаторов перестройки в фальсификации истории, которые прозвучали в фильме: «...советская история так и не стала наукой. Ее задачей не было установление исторической истины или извлечение уроков из побед и поражений — она служила инструментом идеологической борьбы...Такая история, полная лжи, не могла не быть отброшена. Учебники, написанные на этой основе, закономерно оказались в мусорной корзине» [Zuo Fengrong, 2013, p. 35].

Утверждая, что деградация КПСС началась не с Горбачева, а со Сталина, Цзо Фэнжун рисует картину, которая вполне могла быть отнесена к Китаю, причем не только маоистских времен. Объективизируя нарратив об СССР, Цзо фактически намекает на нынешние китайские риски, прежде всего на угрозу авторитарной централизации: «На практике Сталин выстраивал КПСС по образцу «ордена меченосцев» — партия стала орудием, подчиненным лично вождю. Она превратилась не только в орган политического руководства, но и в инструмент прямого командования хозяйственной деятельностью. Сталин создал жесткую систему цензуры. В партии и в обществе не допускались никакие иные мнения. Органы контроля разрастались, власть все больше концентрировалась, любые зачатки новых идей подавлялись на корню» [Zuo Fengrong, 2013, p. 36].

Финальный вывод Цзо Фэнжун неутешителен для пропагандистов: «До сих пор в Китае находятся люди, которые продолжают защищать сталинскую систему и отрицать необходимость реформ, не замечая изменений, произошедших в России. Удивительно, что, тратя столь значительные средства налогоплательщиков, они не занимаются серьезным анализом причин провала КПСС и поиском решений, а лишь цепляются за отжившие догмы и воспевают старую систему, что в корне неправильно» [Zuo Fengrong, 2013, p. 36–37].

Создатели фильма ответили коллективной статьей⁴ [Ju'an siwei ketizu, 2013]. Уже в самом ее начале авторы подробно акцентируют внимание на официальном одобре-

⁴ Основным автором назван профессор Института марксизма Народного университета, известный специалист по СССР Чжоу Синьчэн (周新城), которому к тому времени исполнилось 78 лет. Наиболее вероятный мотив — опора на авторитет для усиления критической аргументации.

нии фильма: они указывают, что 7 марта 2012 г. Комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК направила в нижестоящие органы распоряжение о просмотре фильма среди руководящих кадров уровня уезда и отдела и выше (县处级以上). По их данным, фильм был показан более чем в 50 министерствах и ведомствах центрального уровня, а также в нескольких десятках тысяч первичных организаций по всей стране [Ju'an siwei ketizu, 2013, p. 120].

Такая ссылка на широкую административную поддержку — это не просто информационная справка, а своеобразная форма политического наступления на оппонента. Авторы заранее подчеркивают, что их работа не является частным мнением, а одобрена партийными структурами и включена в официальную образовательную повестку. Важно, что с «политическим продвижением» фильма группа авторов сильно спешила. Весной 2012 г. Комиссию по проверке дисциплины еще возглавлял Хэ Гоцян, близкий к Ху Цзиньтао, а Ван Цишань занял этот пост лишь в ноябре после XVIII съезда КПК. Создатели фильма не знали, как к теме «уроков СССР» отнесется Си Цзиньпин и новое партийное руководство, и стремились заранее заручиться поддержкой партийной бюрократии, уже в транзитный период встроив свой нарратив в пропагандистскую систему.

При этом они абсолютно верно поняли тот предупредительный месседж, который пытались донести до партийного руководства некоторые системные интеллектуалы: «Откровенно говоря, некоторые люди в стране используют «советский вопрос» как предлог для высказывания собственных взглядов на будущее развитие Китая. Просто кое-что нельзя сказать напрямую, поэтому распад СССР и роспуск КПСС используются как косвенный способ выразить свои пожелания. За советским вопросом всегда скрывается китайский вопрос — это ясно каждому, кто понимает суть происходящего» [Ju'an siwei ketizu, 2013, p. 121].

Создатели фильма в своем ответе отказываются признавать причинами распада СССР несостоятельность советской модели как таковой. Совокупность институциональных дефектов (избыточная централизация, застой реформ и т.п.) признается лишь потенциалом нестабильности, который стал реальным фактором только при линии Горбачева, определяемой в статье как «гуманистический демократический социализм» (人道的民主社会主义). Логический ход таков: корректная политическая линия позволяет решить проблемы с помощью реформ без отказа от социалистического строя; неправильная линия усиливает дефекты и ведет к демонтажу всей системы. Критику основ советского строя, которую они увидели в рецензии Цзо Фэнжун, авторы фильма называют «историческим нигилизмом», допуская критический разбор конкретных механизмов, но не пересмотр базовых принципов: «Нигилистическое отношение к истории СССР и истории КПСС привело к утрате социалистических идеалов и убеждений среди коммунистов и широких народных масс... что в итоге привело к гибели партии и государства. Разве мы можем забыть этот горький урок?» [Ju'an siwei ketizu, 2013, p. 128].

В целом публикация авторов фильма переводит спор о природе краха СССР из плоскости анализа несостоятельности модели в плоскость оценки идеологической линии и политической воли. Урок для Китая состоит в установлении строгой рамки дискуссии: критиковать технические изъяны и темпы реформ допустимо, ставить под

сомнение основы строя, базовые принципы, прежде всего, руководство партии и руководящую идеологию — нет.

Критический ответ на статью Цзо Фэнжун опубликовал и журнал «Таньсо юй чжэнмин», в котором ранее появилась сама статья. Публикации статьи доцента Народного университета Ван Тинъю [Wang Tingyou, 2013b] предшествовало редакционное предисловие, в котором журнал осторожно дистанцируется от позиции Цзо, не осуждая ее напрямую, но подчеркивая, что по теме есть и «противоположные» точки зрения. Упоминание «великого возрождения китайской нации» укладывается в политический дискурс, который с приходом к власти Си Цзиньпина получает все большее официальное звучание. Таким образом, редакция демонстрирует, что ее главная лояльность — не к отдельным авторам, а к курсу партии. Декларируемая цель дискуссий по советской тематике также остается в рамках политической корректности — «укрепить уверенность в выбранном курсе социализма с китайской спецификой», что напрямую резонирует с позицией авторов фильма, изложенной в их ответе на критику Цзо Фэнжун. В своей коллективной статье они утверждали, что главное последствие «исторического нигилизма» — утрата идеалов, идеологическая дезориентация и в итоге крах всей системы, как это произошло в СССР. Ван Тинъю входил в группу по подготовке рассматриваемого фильма, так что его ответ сложно назвать беспристрастной оценкой.

Ван Тинъю также выдвигает против Цзо Фэнжун обвинения в «историческом нигилизме», поскольку критика Сталина и «сталинской модели» трактуется как косвенная атака на социализм с китайской спецификой, который является продуктом эволюции мировой социалистической идеи. Цзо Фэнжун, по мнению оппонентов, эту связь разрывает. Критическое осмысление кризиса советских институтов Ван Тинъю приравнивает к «спекуляции на советской тематике» и ставит в один ряд с отрицанием «Мао Цзэдуна, идей Мао Цзэдуна и китайской революции» [Wang Tingyou, 2013b, p. 36]. Это переводит академическое обсуждение в поле политической лояльности/нелояльности, сужая пространство для неангажированной аналитики. «В отношении сталинской модели необходимо подходить к вопросу диалектически, видеть как ее достижения, так и недостатки, различая главное и второстепенное... Главным, ведущим, основным является именно историческая заслуга и достижения сталинской модели», — пишет Ван Тинъю [Wang Tingyou, 2013b, p. 36]. Формальная оговорка о диалектическом подходе и всестороннем и научном анализе задает строгую рамку допустимого: анализ разрешен, но до тех пор, пока не ставит под сомнение идеологический канон. Критика «сталинской модели» рассматривается как переход красной линии — отсюда прямое обвинение Цзо Фэнжун в историческом нигилизме. Как и другие оппоненты Цзо Фэнжун, Ван Тинъю персонифицирует причины краха СССР, называя в качестве ведущего фактора предательство советских лидеров — от Хрущева до Горбачева и Ельцина, которые были «пятой колонной, затаившейся внутри партии и государства, выступавшей в роли пособников и агентов империализма, и стали позорными предателями как советского социалистического дела, так и международного коммунистического движения» [Wang Tingyou, 2013b, p. 40].

Ван Тинъю выстраивает ортодоксальную линию защиты «советской модели»: критика советского социализма на основании отдельных цитат Дэн Сяопина объявляется методологически ошибочной, поскольку нужно «правильно» различать институ-

циональные дефекты поздней высокоцентрализованной конструкции и социалистическую сущность советского проекта. Ключевой аргумент — заковыченная цитата из выступления Си Цзиньпина 5 января 2013 г. с толкованием позиции Дэн Сяопина: «Товарищ Дэн Сяопин, говоря о советской модели, имел в виду высокоцентрализованную экономико-политическую систему, которая постепенно сформировалась после смерти Ленина в процессе руководства Сталина строительством социализма в Советском Союзе». Апеллируя к авторитету недавно избранного генерального секретаря, Ван Тинью делает из короткой цитаты не очень логичный вывод о том, что Дэн Сяопин отнюдь не полностью отрицал Сталина или советскую модель. «Между тем, — рассуждает далее он, — “некоторые люди” механически ссылаясь на Дэн Сяопина полностью отвергают Сталина и сталинскую модель, а под этим предлогом — и социалистический строй СССР вместе с КПСС» [Wang Tingyou, 2013b, p. 41].

Однако как в кратком изложении [Xi Jinping qiangdiao..., 2013], так и в более подробном варианте речи Си Цзиньпина, опубликованном только в 2019 г. в журнале «Цюши» [Xi Jinping, 2019] такой фрагмент отсутствует. Похожий текст содержится в изданиях для партийной учебы 2014 и 2016 гг. [Zhonggong Zhongyang Xuanchuan..., 2016], но это не сборник речей, а комментарий составителя — Отдела пропаганды ЦК КПК, и установить, действительно ли Си Цзиньпин в 2013 г. толковал Дэн Сяопина и высказывался о сверхцентрализации, невозможно. Поиск по базе CNKI выявил лишь еще семь случаев, когда текст использовался в виде цитаты в научных журналах, из них пять материалов авторства Цяо Фэна, бывшего сотрудника Отдела международных связей ЦК КПК. Все цитаты (или псевдоцитаты?) обрываются 2017 г.

Вот пример комментирования «цитаты» Си Цзиньпина, датированный 2014 г. (интервью Цяо Фэна): «Очевидно, что “советская модель” означает именно эту высокоцентрализованную экономико-политическую систему, то есть конкретный способ осуществления социализма в Советском Союзе. Это совершенно иное по своей сути явление, нежели базовая система социализма. Реформа советской модели никоим образом не равнозначна отрицанию основополагающей социалистической системы СССР» [Su Wenwan, 2014, p. 3–4].

Острая полемика и обмен политическими обвинениями отражает напряженность дискуссии, которая, казалось бы, затрагивала не самые важные для современного Китая и уже достаточно далекие исторические вопросы. Еще одним экстраординарным событием, подчеркнувшим политическую заостренность «советской повестки» в первый год Си, стала публикация 1 августа 2013 г. на главных страницах ведущих информационно-пропагандистских сайтов (*Синьхуа*, *Жэньминьван*, *Чжунсиньван*, *Хуаньцюань* и др.) пространной статьи малоизвестного доселе блогера Ван Сяоши (王小石, вероятнее всего, это псевдоним) «Если в Китае будут потрясения, это может быть большей трагедией чем в Советском Союзе» (中国若动荡, 只会比苏联更惨) [Wang Xiaoshi, 2013]. Статья также была перепечатана на популярных порталах *Sohu*, *Sina*, *NetEase* и *Tencent*. Сам факт синхронной публикации подобной статьи, написанной в достаточно разнузданном тоне, вызвал воспоминания о санкционированных сверху политических памфлетах и дацзыбао времен маоистской культурной революции.

По содержанию статья выполняла сразу две задачи: 1) закрепляла интерпретацию распада СССР как «предупреждение» для Китая через драматизированный образ

«шоковой терапии» и ее последствий; 2) закрепляла аргументы для дискредитации «публичных интеллектуалов» и либеральной повестки, маркируя их как «ведущих к смуте»: «Ангелы, наставники и публичные интеллектуалы в Вэйбо ежедневно сочиняют и распространяют слухи, создают негативные новости о жизни общества, формируют атмосферу надвигающегося краха Китая, очерняют существующий социалистический строй, пропагандируют капиталистическую конституционную модель Европы и США. В этом процессе они непрерывно подстрекают народ к ненависти к действующей власти и яростно поносят китайцев за их якобы врожденное рабство, открыто подталкивая людей стать пушечным мясом и провоцировать социальную смуту в Китае. Так давайте посмотрим, достиг ли российский народ счастья и “универсальных ценностей” после потрясений и распада Советского Союза» [Wang Xiaoshi, 2013].

Во многом нарисованная Ван Сяоши картина современной России полна манипуляций и подтасовок статистики, скажем, в 2008 г. внешний долг России составлял 44,9 млрд долл. (по данным Ван Сяоши — 560 млрд долл.), в 2013 г. военный бюджет — 39,74 млрд долл. (а по версии Ван Сяоши — 5 млрд долл.). В целом мрачные характеристики Ван Сяоши, который он дает российской действительности, должны подтвердить его вывод о том, что «Россия уже превратилась из могущественной державы в экономически незначительное государство второго-третьего эшелона». Однако поскольку его памфлет, направлен на массовую аудиторию, главное — убедить простых китайцев в губительности либеральных реформ, и здесь автор говорит языком листовок: «Если Китай пойдет по старому советскому пути, не имея такого объема ресурсов, чем будут питаться простые китайцы? Во сколько раз сильнее будет наша трагедия? Ты уже приготовил теплую одежду? Ты и твоя семья сможете пережить эту долгую зиму?» [Wang Xiaoshi, 2013].

Россия выводится как «негативный урок» для Китая: отход от социалистического курса в оптике Ван Сяоши равен катастрофе, тогда как «китайский социализм» подается как источник надежды. Автор рисует Россию как морально и социально травмированную страну, пережившую саморазрушение под влиянием неудачных реформ и внешнего давления; советское прошлое (включая и сталинский период) получает реабилитирующий оттенок.

Организаторы этой публикации решали внутренние идеологические задачи, и во многом они были созвучны фильму «Двадцатилетние поминки по гибели партии и государства в СССР». Публикация памфлета «про СССР» в августе 2013 г. выглядела частью одного и того же идеологического контекста: акцент на катастрофичности «демократизации/шоковой терапии», предостережение против либеральной повестки и легитимация курса на усиление контроля.

Неожиданным и непрогнозируемым последствием стал резонанс, который публикация вызвала в России. Радиостанция «Голос России» 2 августа в своем аккаунте на китайском языке в Вэйбо задала вопрос «Как такая статья появилась на главной странице сайта Синьхуа?», дав ссылку на пост Ван Сяоши, а также упомянув аккаунт Синьхуа и официальный аккаунт по опровержению ложных сообщений в Sina Weibo (@微博辟谣). Вскоре после публикации пост российского государственного СМИ был удален цензурой [Buke xingmian..., 2013]. Затем радиостанция опубликовала новый пост, пообещав отправить статью Ван Сяоши в российский МИД [Liu, 2013]. На сво-

ем сайте радиостанция, не вступая в прямую полемику, решила действовать изобретательно, опубликовав подборку комментариев китайских интернет-пользователей по поводу статьи Ван Сяоши, которые не жалели сарказма по поводу «страшилок», вброшенных блогером. В заголовок обзора был вынесен один из наиболее язвительных комментариев: «Смеется над не застегнутой ширинкой другого, а сам забыл про свою голую задницу» (嘲笑别人裤子拉链开了竟然忘了自己还光着腚) (публикация доступна в Internet Archive) [Zhongguo Weibo..., 2013].

Внимание на статью Ван Сяоши обратило не только иновещание, но и российские СМИ. Газета «Ведомости» опубликовала комментарий эксперта по Китаю В.Б. Кашина, который подтвердил, что российские представители были ошарашены продвижением негативного образа России в ведущих китайских СМИ на фоне заверений в стратегическом партнерстве. Организатором кампании китаист считает Отдел пропаганды ЦК КПК, при этом возможные международные последствия не учитывались. Наиболее вероятным объяснением сложившейся ситуации Кашин считает то, что «тема распада СССР и последующего развития России стала вновь играть важную роль в обострившейся внутрикитайской политической дискуссии о дальнейших путях развития страны, которая идет между условными либералами и консерваторами» [Кашин, 2013].

Профессор из Гонконга Samson Yuen (袁瑋熙) высказал мнение, что статья Ван Сяоши была частью «дискуссии о конституционализме», которая развернулась с приходом Си Цзиньпина между либеральными реформаторами и партийными консерваторами на фоне ожиданий, что новый лидер возобновит политические реформы [Yuen, 2013, p. 69–70]. Реформаторы, опираясь на высказывания Си Цзиньпина об отсутствии привилегий над Конституцией и законом, призывали к гарантиям прав и созданию механизмов сдержек и противовесов.

С таким пониманием антилиберального памфлета можно согласиться лишь отчасти. Аргументация Ван Сяоши практически не касается вопросов верховенства права и разделения властей. Единственное упоминание в самом начале о «китайском народе, которому навязывают европейско-американскую конституционную модель» служит чисто риторическим приемом для усиления страха и стигматизации оппонентов, а не является последовательной трансляцией аргументов противников «конституционализма». В основном тексте Ван Сяоши делается упор на эмоциональную репрезентацию «смерти СССР» и «предательства элиты», что более близко позициям авторов фильма «Двадцатилетние поминки...».

Речь идет о скоординированной работе одного и того же слоя экспертной бюрократии, артикулирующей ортодоксальную партийную линию на нескольких уровнях — от массового и медийного до академического, и по любым вопросам — от характеристики «сталинской модели» до проблем права. Об этом говорят и персональные пересечения. Например, Ван Тинъю, обвинявший Цзо Фэнжун в «историческом нигилизме» за критику фильма «Двадцатилетние поминки по гибели партии и государства в СССР», в 2013 г. участвовал и в дискуссии по правовым вопросам. В статье для партийного журнала «Хунци вэньгао» он последовательно отстаивал ортодоксальную позицию, клеймя конституционализм как идею вестернизации Китая и угрозу руководству КПК [Wang Tingyou, 2013a]. Журналисты RFI отметили текстуальные совпадения некоторых абзацев памфлета с предисловием и послесловием, написанными Ли Шэньмином к

китайскому переводу книги Роя Медведева «Советский Союз. Последние годы жизни». Именно Ли Шэньмин, вице-президент КАОН, и был руководителем группы, снявшей учебный фильм о «гибели партии и государства». Взгляды Ван Сяоши «восходят к той же идеологической линии, что и позиции Ли Шэньмина — представителя традиционного системного левого крыла» [Cao Guoxing, 2013].

По данным China Digital Times, согласно важному указанию «ключевых руководителей товарищей из ЦК КПК» (中央主要领导同志) сайты были обязаны удерживать публикацию Ван Сяоши на заметном месте главной страницы и главной странице тематического раздела в течение 48 часов [Zhenli bu..., 2013].

К сожалению, в существующей литературе сам текст Ван Сяоши и реакция на него изучены недостаточно, хотя он заслуживает внимания как способ воздействия на массовое сознание. В истории есть подобные примеры. В апреле 1972 г. официальная газета в то время правящей на Тайване партии Гоминьдан «Чжунъян жибао» (Central Daily) в течение шести дней подряд публиковала памфлет «Крик души простого человека» (一个小市民的心声), написанный от лица «маленького человека» и выступавший против студенческого движения, свободы слова, либеральной интеллигенции и академической свободы. В нем отстаивалась необходимость расширения полномочий властей ради того, чтобы «простые люди могли спокойно зарабатывать себе на миску риса». В функциональном отношении политический манифест Ван Сяоши сопоставим и с антиперестроечным письмом Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» 1988 г. и с другими публикациями, выстроенными на антилиберальной повестке.

В рамках нашего исследования важно, что аналогичный прием — вынос эмоционально заряженного «народного» текста на центральные площадки — в китайском политическом контексте сработал как политический рубикон: санкционированная сверху публикация фактически закрыла окно для рационального использования советского опыта. Вместо глубокого анализа рисков горбачевских реформ (что актуально и для Китая) рамки допустимого обсуждения причин распада СССР были сведены к идеологической лояльности и «верности канону», а спор переместился из сферы сопоставительной институциональной диагностики в сферу охранительной идеологии, синонимом чего стал термин, широко использованный в ходе дискуссии 2013 г. — борьба с историческим нигилизмом.

В этом отношении интересна история «исчезнувшей» цитаты из речи Си Цзиньпина. Когда в 2019 г. «Цюши» опубликовал речь 5 января 2013 г. в ней, конечно, не было ничего про риски избыточного централизма в советской (сталинской модели). Советская тема была затронута исключительно в контексте исторического нигилизма:

«Внутренние и внешние враждебные силы зачастую используют историю китайской революции и нового Китая для спекуляций, прилагая все усилия, чтобы исказить, очернить и опорочить ее. Их главная цель — посеять смуту в сердцах людей, спровоцировать свержение руководства Коммунистической партии Китая и подрыв социалистического строя нашей страны. Почему распался Советский Союз? Почему рухнула КПСС? Одна из важнейших причин заключалась в том, что в идеологической сфере шла ожесточенная борьба: произошел полный пересмотр истории СССР и истории КПСС, отрицание Ленина, отрицание Сталина, торжествовал исторический нигилизм. Мысли людей оказались спутаны, партийные организации на всех

уровнях практически перестали функционировать, армия оказалась вне партийного контроля. В итоге огромная Коммунистическая партия Советского Союза разлетелась как стая птиц, а великое социалистическое государство СССР распалось на части. Это — предостерегающий урок!» [Xi Jinping, 2019, p. 8].

При этом ранние интерпретации для системы партийной учебы 2014 и 2016 гг. фиксировали описательную формулу «высокоцентрализованной экономико-политической системы» как признак «советской модели». Это создавало впечатление, будто речь шла о критике «сверхцентрализации» как таковой. В канонической же версии 2019 г. фокус смещен: издержки «модели» не артикулируются, а ключевыми уроками становится борьба с историческим нигилизмом и идеологическая дисциплина. Публикация речи в «Цюши» стала актом текстовой стандартизации, были созданы понятийные рамки, совместимые с тем, что уже произошло, — централизацией системы государственного управления при Си Цзиньпине.

Анализ дискуссий 2012–2013 гг. вокруг «уроков СССР» позволяет реконструировать механизм, посредством которого критика авторитарной централизации парадоксальным образом стала идеологическим обоснованием ее радикального воплощения. Подлинный «урок СССР» для Си Цзиньпина заключался не в опасности чрезмерной централизации, а в катастрофических последствиях ее ослабления. Горбачевская «демократизация» и последующий коллапс советской системы убедили китайское руководство в том, что выживание однопартийного режима требует не либерализации, а тотальной концентрации власти. Что касается «исторического нигилизма», то он стал чрезвычайно удобной риторической формулой, позволяющей маркировать как дестабилизирующие любые вызовы официальному идеологическому нарративу.

Если Горбачев якобы разрушил Советский Союз через отрицание исторического наследия, то Си Цзиньпин строит «новую цивилизацию» через его творческое развитие. В современной китайской идеологии критика опыта СССР используется для концептуального обоснования цивилизационного подхода к модернизации, который радикально отличается от универсалистских схем классического марксизма-ленинизма. Как отмечал А.В. Лукин в своем анализе государства-цивилизации, «отличительные черты новой китайской цивилизации, так же как и в других цивилизационных теориях, определяются в их противопоставлении другим цивилизациям» [Лукин, 2023, с. 84]. В китайских теориях о построении особой китайской цивилизации, превосходящей все остальные, советская модель, наряду с западным типом цивилизации, как раз становится такой точкой отсчета, и если речь идет об «опыте», то это опыт определенно отрицательный.

Заключение.

Является ли советский фактор константой китайской политики?

«Распад СССР» для Китая похоже никогда не станет завершенным историческим событием — он функционирует как вечно актуальная референтная точка, «отрицательный социализм», через который каждое поколение китайских руководителей определяет границы собственного политического курса.

Дэн Сяопин интерпретировал советский коллапс как подтверждение правильности китайского курса на экономические реформы при сохранении политической стабильности. Для Дэна СССР служил «негативным уроком» консервативной боязни реформ. Советский пример легитимизировал радикальную экономическую трансформацию при категорическом отказе от политической либерализации.

Цзян Цзэминь столкнулся с советским коллапсом как с реальным политическим шоком, потребовавшим немедленной идеологической адаптации после событий на Тяньаньмэнь. Его интерпретация сосредоточилась на экономическом развитии как основе партийной легитимности. Концепция «трех представительств» стала попыткой расширить социальную базу партии без поощрения плюрализма, избежав тем самым издержки горбачевской «демократизации». Ху Цзиньтао превратил риторику об «уроках СССР» в систематическую идеологическую работу, институционализовав изучение причин «гибели партии и государства» через образовательные программы и исследовательские проекты.

Си Цзиньпин довел эту логику до радикального завершения, трансформировав «уроки СССР» в обоснование беспрецедентной централизации власти. Его инверсия советского опыта наиболее поразительна: если предшественники видели в СССР предостережение против авторитарной ригидности, то Си интерпретировал коллапс как результат недостаточной централизации. Кратковременный путч 1991 г. в его представлении стал примером того, как «партия теряет контроль над силовыми структурами».

Каждое новое поколение руководителей Китая проецирует на советский опыт собственные политические задачи. Парадокс в том, что один и тот же «исторический урок» служит обоснованием разных мобилизационных нарративов. Создается впечатление, что Советский Союз для Китая действительно никогда не закончится, поскольку через осмысление недостатков советского проекта китайские политики определяют свою идентичность и легитимируют внутренние трансформации.

Между тем с развитием Китая, который все больше отдаляется от перестроечного СССР, какие-либо универсальные рецепты из советского опыта извлечь все труднее. С увеличением временной дистанции апелляция к советскому прецеденту превращается скорее в мобилизационный конструкт, чем в инструкцию, что надо, а что не надо делать. Советский опыт по инерции выступает точкой отсчета, но политические решения принимались исходя из сильно изменившейся «китайской специфики». СССР уже не может служить лабораторией для проверки рабочих гипотез; а в игры в ретроспективное спасение советского социализма никто в Пекине не играет. Скорее, акцентируя те или иные реальные и вымышленные дефекты советской модели, можно было до определенного времени влиять на выбор китайских развилок и их аргументацию. При этом почти во всех теоретических построениях СССР функционировал как «анти-образ будущего», нежелательный для Китая; иногда к нему добавлялась и постсоветская Россия как дополнительная негативная отсылка.

Аппаратный проигрыш русистов, который мы упоминали, означал, что советский опыт становился все более редуцированным и условным, сводясь к набору идеологических предостережений и мобилизационных формул. Важно учитывать, что значительная часть актуальных вызовов, с которыми сталкивался Китай в XXI в., СССР

просто не переживал: цифровая среда и платформенная экономика, алгоритмическое управление и большие данные, трансграничные потоки информации и капитала, новая роль частного сектора и глубокое встраивание в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Инертность партийно-идеологических кругов в Китае во многом обусловлена именно вложенными ресурсами — финансовыми, кадровыми и организационными — в «изучение уроков СССР». За годы после 1991 г. было выделено множество грантов, организованы исследовательские проекты и образовательные программы с участием десятков институтов, где ученые получали финансирование за подтверждение официального нарратива о «русской катастрофе». Эти круги создали собственный идеологический капитал, который трудно списать без признания провала дорогих, но все более бесполезных, исследовательских инициатив.

По мере развития китайско-русских связей становится очевидно, что интерес Китая смещается от «уроков краха» к полезным политическим технологиям современной России. Китайские специалисты изучают российский опыт пропагандистских кампаний в соцсетях. Российские модели государственного патриотизма и работа с массовой исторической памятью, особенно вокруг Великой Отечественной войны, непосредственно интересуют китайских идеологов как готовые технологии консолидации общества. Идеологическая инерция все еще удерживает нарратив «Китай как анти-СССР», но реальным объектом интереса становятся современные политические практики, продемонстрированные Россией в последние годы.

Внутренние вызовы требуют внутренних решений. Демографический кризис, экологические проблемы, долговая нагрузка местных правительств, молодежная безработица — ни одну из этих проблем нельзя объяснить через призму «советского опыта». Более того, попытки решать эти проблемы через усиление централизации часто их усугубляют.

Мобилизующий «катастрофический нарратив» уже нерелевантен. Когда в 2013 г. Ван Сяоши рисовал апокалиптическую картину «русских развалин», это еще могло найти отклик у китайской аудитории. Но к 2025 г. Россия демонстрирует экономическую устойчивость, технологическое развитие и геополитическую субъектность. Поколенческий разрыв также играет роль: для молодых китайцев, родившихся после 2000 г., СССР — это такая же далекая история, как династия Цин. Их политические предпочтения и недовольство формируются под влиянием конкретных социально-экономических проблем, а не абстрактных «исторических уроков».

«Советские уроки для Китая» становятся примером того, как историческая аналогия превращается в идеологическую ловушку. Первоначально полезные для мобилизации и легитимации, они постепенно становятся препятствием для адаптации к меняющимся реальностям. В результате апелляция к «советскому уроку» постепенно сужается до круга идеологических сюжетов, удобных для мобилизации и индоктринации аппарата, но слабых как операционный инструмент для решения новых задач. Тем не менее советский прецедент пока сохраняется как общий язык рисков и пределы идеологического допустимого, тогда как практический дизайн решений выстраивается исходя из внутренних приоритетов, ресурсов и структурных ограничений Китая.

Библиографический список

Борох О.Н., Ломанов А.В. Модернизация китайского типа: эволюция концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 1. С. 31–47.

Борох О.Н., Ломанов А.В. От переосмысления советской модели к поиску китайского пути // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 45–55.

Гончаров С.Н. «Выпрыгивание из исторического цикла» и строительство новой идеологии на XX съезде КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 153–174.

Зуенко И.Ю. Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР) // Международная аналитика. 2021. Том 12 (1). С. 96–111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111

Кашин В. Второй мир: «Русская опасность для Китая» // Ведомости. 2013. 15 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/08/15/russkaya-opasnost-dlya-kitaya> (дата обращения: 12.09.2025).

Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. 2023. № 2. С. 71–99.

Рысакова П.И. The Image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. № 4. С. 457–468.

References

Borokh O.N., Lomanov A.V. (2021). Ot pereosmysleniia sovetskoi modeli k poisku kitaiskogo puti [From rethinking the Soviet model to searching for the Chinese path]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia]. No. 65(7). P. 45–55. (In Russian).

Borokh O.N., Lomanov, A.V. (2024). Modernizatsiia kitaiskogo tipa: evoliutsiia kontseptsii [Modernization of the Chinese type: The evolution of the concept]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia]. No. 68(1). P. 31–47. (In Russian).

Goncharov S.N. (2022). Vyprygivanie iz istoricheskogo tsikla” i stroitel'stvo novoi ideologii na XX s"ezde KPK [“Jumping out of the historical cycle” and the construction of a new ideology at the 20th Congress of the CPC]. Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Studies]. No.6. P. 153–174. (In Russian).

Kashin Vasilii (2013). Vtoroi mir: Russkaia opasnost' dlia Kitaia [The second world: the Russian danger for China]. Vedomosti, August 15, 2013, URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/08/15/russkaya-opasnost-dlya-kitaya> (accessed: 12.09.2025). (In Russian).

Lukin A.V. (2023). Kontseptsii “kitaizatsii marksizma,” “novoi formy chelovecheskoi tsivilizatsii” i “gosudarstva-tsivilizatsii” v sovremennom kitaiskom ideologicheskom diskurse [The Concepts of Sinification of Marxism, a New Form of Human Civilization and CivilizationFState in Modern Chinese Ideological Discourse]. Rossiiskoe kitaevvedenie [Russian China Studies]. No. 2. P. 71–99. (In Russian).

Rysakova P.I. (2017). The image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography). Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies, 9(4). P. 457–468.

Zuenko I.Yu. (2021) Kitai i sobytia 1991 g. v Sovetskom Soiuze (k 100-letii Kommunisticheskoi partii Kitaia i 30-letiiu raspada SSSR) [China and the Events of 1991 in the Soviet Union (On the 100th Anniversary of the Communist Party of China and the 30th Anniversary of the Collapse of the USSR)]. Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]. Vol. 12. No. 1. P. 96–111. (In Russian).

* * *

Buke xingmian: Eluosi zhisheng zhiyi Xinhua wang weibo zao shanchu 不可幸免: 俄罗斯之声质疑 新华网微博遭删除 (2013). [Not spared: Voice of Russia's Weibo post questioning Xinhuanet was deleted]. Zhongguo shuzi shidai (China Digital Times). 01.08.2013. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/306987.html> (accessed: 12.09.2025). (In Chinese).

Cao Guoxing (2013). Guanfang litui Wang Xiaoshi changwen shi fan xianzheng niliu de chuangxin 官方力推王小石长文是反宪政逆流创新 [The Official Promotion of Wang Xiaoshi's Article Is an Innovation in the Anti-Constitutionalism Campaign], Faguang (RFI). 02.08.2013.URL:<https://www.rfi.fr/cn/%E4%B8%AD%E5%9B%BD/20130802-%E5%AE%98%E6%96%B9%E5%8A%9B%E6%8E%A8%E7%8E%8B%E5%B0%8F%E7%9F%B3%E9%95%BF%E6%96%87%E6%98%AF%E5%8F%8D%E5%AE%AA%E6%94%BF%E9%80%86%E6%B5%81%E7%9A%84%E5%88%9B%E6%96%B0> (accessed: 12.09.2025). (In Chinese).

Chen Zhimin (2014). Nationalism, Internationalism and Chinese Foreign Policy. in Construction of Chinese Nationalism in the Early 21st Century, ed. Suisheng Zhao. Abingdon: Routledge.

Deng Xiaoping 邓小平 (1993a). Gaige de buzi yao jiakuai 改革的步子要加快 [The Steps of Reform Must Be Accelerated]. In Selected Works of Deng Xiaoping. Vol. 3. P. 236–243. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Deng Xiaoping 邓小平 (1993b). Gaige shi Zhongguo fazhan shengchanli de biyou zhi lu 改革是中国发展生产力的必由之路 [Reform Is the Only Path for China's Development of Productive Forces]. In Selected Works of Deng Xiaoping, Vol. 3. P. 136–140. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Deng Xiaoping 邓小平 (1993c). Jiefang sixiang duli sikao 解放思想 独立思考 [Emancipate the Mind, Think Independently]. In Selected Works of Deng Xiaoping. Vol. 3. P. 260–261. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Feng Jingzhi 冯精志 (2012). Sulian wangdang wangguo ershinian ji 苏联亡党亡国二十年祭 [The Twentieth-Year Memorial of the Demise of the Soviet Party and State]. Nanchang: Ershiyi shiji chubanshe. (In Chinese).

Fewsmith J. (2015). The Evolving Shape of Elite Politics in The Nature of Chinese Politics: From Mao to Jiang, ed. Jonathan Unger. Abingdon, Oxon: Routledge.

Hu Jintao 胡锦涛 (2016). Dang de sixiang zhengzhi jianshe de hexin shi lilun jianshe 党的思想政治建设的核心是理论建设 [The Core of the Party's Ideological and Political Development Is Theoretical Development], in elected Works of Hu Jintao, vol. 1. Beijing: Renmin Chubanshe (In Chinese).

Huang Junfu 黄军甫 (2014). Fubai shi Sulian wangdang wangguo de zhongyao yuanyin — huiying Jiang Dehai, Zhu Lijia jiaoshou 腐败是苏联亡党亡国的重要原因—回应蒋德海、竹立家教授 [Corruption as an Important Cause of the Soviet Union's Demise of the Party and the State: A Response to Professors Jiang Dehai and Zhu Lijia]. Tansuo yu zhengming [Exploration and Free Views], 11. (In Chinese).

Huang R. (1988). China, a Macro History. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

Huang Renyu : 黄仁宇(1997). Zixu 自序 [Preface], in Wanli shiwnian [1587: A Year of No Significance]. Beijing: Shenghuo Dushu Xinzhi Sanlian Shudian. (In Chinese).

Huang Yanjie (2024). Ideology Strikes Back: China's Lessons of the Soviet Collapse, 1992–2022. Problems of Post-Communism 71, no. 6: 579–591.

Jiang Zemin 江泽民 (2006a). Ershi nian lai women dang de zhuyao lishi jingyan 二十年来我们党的主要历史经验 [Our Party's Major Historical Experience of the Last Twenty Years], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 2. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006b). Guanyu jianchi sixiang jiben yuanze 关于坚持四项基本原则 [On Upholding the Four Cardinal Principles], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 3. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006c). Nuli kaichuang shehuizhuyi jingshen wenming jianshe de xin jumian 努力开创社会主义精神文明建设的新局面 [Strive to open up a new phase in the development of socialist spiritual civilization], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 1. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006d) Zai zhongyang sixiang zhengzhi gongzuo huiyi shang de jianghua 在中央思想政治工作会议上的讲话 [Speech at the Central Conference on Ideological and Political Work], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 3. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Jiang Zemin 江泽民 (2006e). Shi nian junwei gongzuo de huigu he zongjie 十年军委工作的回顾和总结 [Review and Summary of Ten Years of the Military Commission's Work], in Selected Works of Jiang Zemin, vol. 2. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Ju'an siwei ketizu 居安思危课题组 (2013). Buneng dui Sulian shehuizhuyi moshi caiqu lishi xuwuzhuyi taidu — yu Zuo Fengrong jiaoshou shangque 不能对苏联社会主义模式采取历史虚无主义态度 — 与左风荣教授商榷 [One Should Not Take a Historically Nihilistic Attitude Toward the Soviet Socialist

Model: A Discussion with Professor Zuo Fengrong]. *Makesizhuyi yanjiu* [Studies on Marxism], 7. P. 120–129. (In Chinese).

Li Jie (李劫) (2023). *Sovietology in Post-Mao China: Aspects of Foreign Relations, Politics, and Nationality*, 1980–1999. Vol. 29. Brill.

Liu A. (2013) China's State-Run Media Invokes Specter of USSR Collapse. *Global Voices*, August 3, 2013, URL: <https://globalvoices.org/2013/08/03/chinas-state-run-media-invokes-specter-of-ussr-collapse> (accessed: 12.09.2025).

Lu Nanquan 陆南泉 (2014). Deng Xiaoping dui Sulian shehuizhuyi moshi de lunshu 邓小平对苏联社会主义模式的论述 [Deng Xiaoping's Discussion of the Soviet Socialist Model]. *Economic Observer*, August 18, 2014, URL: <https://www.eeo.com.cn/2014/0818/265117.shtml> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Lukin Alexander (1991). The Initial Soviet Reaction to the Events in China in and the Prospects for Sino-Soviet Relations. *The China Quarterly* 125. P. 119–136.

McGregor R. (2019). Party Man: Xi Jinping's Quest to Dominate China. *Foreign Affairs* 98, no. 5 (September/October 2019).

Pye Lucian W. (2015). Jiang Zemin's Style of Rule: Go for Stability, Monopolize Power and Settle for Limited Effectiveness in The Nature of Chinese Politics: From Mao to Jiang, ed. Jonathan Unger. Abingdon, Oxon: Routledge.

Rozman Gilbert (2010). China's Concurrent Debate about the Gorbachev Era. In *China Learns from the Soviet Union, 1949–Present*, ed. Thomas P. Bernstein and Hua-Yu Li. Lanham, MD: Lexington Books.

Rozman Gilbert (2014). *The Chinese debate about Soviet socialism, 1978–1985*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Su Wenwan 苏文婉 (2014). Bixu jianchi dui Sulian moshi de kexue dingwei — fang zhonggong Zhongyang duiwai lianluobu yanjiushi yuan fu zhuren Xiao Feng 必须坚持对苏联模式的科学定位 ——访中共中央对外联络部研究室原副主任肖枫 [It Is Essential to Uphold the Scientific Positioning of the Soviet Model—An Interview with Xiao Feng, Former Deputy Director of the Research Office of the International Department of the CPC Central Committee], *Shanghai dangshi yu dangjian* (Shanghai Party History and Party Building). P. 6–8. (In Chinese).

Sun Yan (1995). *The Chinese reassessment of socialism, 1976–1992*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Tang Jing, Li Peng 唐静, 李鹏 (2014). Guanliao tequan yihua yu zhidu bianqian — sugong wangdang de lishi fansi 官僚特权异化与制度变迁——苏共亡党的历史反思 [Bureaucratic Privilege Alienation and Institutional Change — A Historical Reflection on the Soviet Communist Party's Demise]. *Dangdai shijie yu shehuizhuyi* [Contemporary World and Socialism]. No. 6. P. 165–168. (In Chinese).

van Eemeren Frans H. (2010). *Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.

Wang Hui (2014). *China from Empire to Nation-State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wang Tingyou 汪亭友 (2013a). Dui xianzheng wenti de yixie kanfa 对宪政问题的一些看法 [Some Views on the Issue of Constitutionalism]. *Hongqi wengao* [Red Flag Manuscript]. No. 11. P. 18–23. (In Chinese).

Wang Tingyou 汪亭友 (2013b). Ruhe jiedu Sulian wangdang wangguo zhe yi zhongda lishi shijian — jian da Zuo Fengrong jiaoshou 如何解读苏联亡党亡国这一重大历史事件 ——回应左丰荣教授 [How to Interpret the Major Historical Event of the Demise of the Soviet Party and State — A Response to Professor Zuo Fengrong]. *Tansuo yu zhengming* [Exploration and Free Views]. No. 8. P. 35–42. (In Chinese).

Wang Xiaoshi 王小石 (2013). Zhongguo ruo dongdang, zhi hui bi Sulian geng can 中国若动荡，只会比苏联更惨 [If China falls into turmoil, it will only be worse than the Soviet Union] *Renmin wang* (People's Daily Online), August 1, 2013, URL: <http://opinion.people.com.cn/n/2013/0801/c1003-22406106.html> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Wong Yiu Chung (2021). Assessing the Era of Jiang Zemin,” in *Chinese Ideology*, ed. Shiping Hua. London: Routledge.

Xi Jinping qiangdiao haobudongyao jianchi he fazhan zhongguo tese shehuizhuyi zai shijian zhong buduan yousuo faxian yousuo chuangzao yousuo qianjin (2013). 习近平强调 毫不动摇坚持和发展中国特色社会主义 在实践中不断有所发现有所创造有所前进 [Xi Jinping emphasizes unwaveringly upholding

and developing socialism with Chinese characteristics, continuously making discoveries, creating, and advancing in practice] Gongchandangyuan wang (Communist Party Members Website), January 5, 2013, URL: <https://news.12371.cn/2013/01/05/VIDE1357385403957606.shtml> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2018a). Ba quanli guanjin zhidu de longzi li 把权力关进制度的笼子里 [Lock Power Inside the Cage of the System], in Xi Jinping: The Governance of China, vol. I, 2nd ed. Beijing: Waiwen Chubanshe. (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2018b). Jinjin weirao jianchi he fazhan zhongguo tese shehuizhuyi xuexi xuan-chuan guanche dang de shiba da jingshen 紧紧围绕坚持和发展中国特色社会主义学习宣传贯彻党的十八精神 [Study, Publicize, and Implement the Spirit of the 18th CPC National Congress with a Firm Focus on Upholding and Developing Socialism with Chinese Characteristics], in Xi Jinping: The Governance of China, vol. I, 2nd ed. Beijing: Waiwen Chubanshe (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2018c). Yunyong lishi zhihui tuijin fanfu changlian jianshe 运用历史智慧推进反腐倡廉建设 [Historical Wisdom Helps Us Combat Corruption and Uphold Integrity], in Xi Jinping: The Governance of China, vol. I, 2nd ed. Beijing: Waiwen Chubanshe (In Chinese).

Xi Jinping 习近平 (2019). Guanyu jianchi he fazhan Zhongguo tese shehuizhuyi de jige wenti 关于坚持和发展中国特色社会主义的几个问题 [Several Issues Concerning Upholding and Developing Socialism with Chinese Characteristics], Qiushi (Seeking Truth.) 7. P. 4–12. (In Chinese).

Xiao Yunxiang 肖云祥 (2021). Cong bainian dangshi kan zhongguo tese jiandu zhi lu 从百年党史看中国特色监督之路 [Tracing the Path of Supervision with Chinese Characteristics through a Century of Party History], Zhongguo Jijian Jiancha Bao (China Discipline Inspection and Supervision Daily), no. 7829 (May 13, 2021) (In Chinese).

Xu Zhixin 许志新 (2001). Lun Sulian shibai de jingji genyuan 论苏联失败的经济根源 [On the Economic Roots of the Soviet Union's Collapse], Dongou zhongya yanjiu (East European and Central Asian Studies) 3 (In Chinese).

Yuen S. (2013). Debating Constitutionalism in China: Dreaming of a liberal turn?. China Perspectives no. 2013/4. P. 69–70.

Zeng Jinghan (2016). The Chinese Communist Party's Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion London: Palgrave Macmillan.

Zhang Leling 张乐岭 (1997). Lun Deng Xiaoping Lilun ji qi Kexue Tixi 论邓小平理论及其科学体系 [On Deng Xiaoping Theory and Its Scientific System]. Wenshizhe [Literature, History and Philosophy]. No. 6. P. 3–9. (In Chinese).

Zhang Quanjing 张全景 (2008). Sulian wangdang wangguo de cantong jiaoxun 苏联亡党亡国的惨痛教训 [The Bitter Lessons of the Soviet Union's Loss of the Party and the State]. Chuangzao [Creation]. No. 3. P. 8–16. (In Chinese).

Zhao Bingmei 赵冰梅 (2001). Lun Sulian jieti de jingji genyuan 论苏联解体的经济根源 [On the Economic Roots of the Soviet Union's Disintegration]. Xibei gongye daxue xuebao: shehui kexue ban [Journal of Northwestern Polytechnical University, Social Sciences Edition]. No. 1. P. 2. (In Chinese).

Zhenli bu. Zhongyang zhuyao lingdao tongzhi zuochu de zhongyao zhishi. 真理部. 中央主要领导同志作出的重要指示 (2013). [Ministry of Truth. Important Instructions Issued by the Principal Leading Comrades of the Central Committee] Zhongguo shuzi shidai (China Digital Times). 01.08.2013. URL: <https://chinadigitaltimes.net/chinese/306854.html> (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Zhonggong Zhongyang Xuanchuan Bu, ed. 中共中央宣传部编 (2016). Xi Jinping zongshuji xilie zhongyao jianghua duben (2016 nian ban) 习近平总书记系列重要讲话读本 (2016 年版) [Reader of General Secretary Xi Jinping's series of important speeches (2016 edition)] Beijing: Xuexi Chubanshe; Renmin Chubanshe. (In Chinese).

Zhongguo Weibo: chaoxiao bieren kuzi lalian kaile jingran wangle ziji hai guangzhe ding! 中国微博: 嘲笑别人裤子拉链开了竟然忘了自己还光着腚! (2013) [China Weibo: Mocking someone's open zipper while you're standing there bare-assed!] Eluosi zhi sheng (Voice of Russia), August 2, 2013, 18:46, archived at the Internet Archive (Wayback Machine), August 5, 2013. URL: https://web.archive.org/web/20130805101131/http://radiovr.com.cn/2013_08_02/232101858/ (accessed: 12.09.2025) (In Chinese).

Zhou Ya 周雅 (2015). Sulian wangdang wangguo dui Zhongguo de qishi—yi lingrongren taidu cheng-zhi fubai 苏联亡党亡国对中国的启示—以零容忍态度惩治腐败 [Lessons for China from the Soviet

Union's Demise of the Party and the State — Punishing Corruption with a Zero-Tolerance Attitude]. *Xue Lilun* [Theory Research]. No. 31. P. 52–53. (In Chinese).

Zhu Jidong 朱继东 (2011). *Gaoji lingdao ganbu sangshi xinyang, fubai bianzhi shi sugong wangdang de zui guanjian yinsu* 高级领导干部丧失信仰, 腐败变质是苏共亡党的最关键因素 [The loss of faith among senior leading cadres and the degeneration through corruption are the most critical factors in the Soviet Communist Party's demise]. *Sixiang zhengzhi jiaoyu yanjiu* [Ideological and Political Education Research]. No. 27. No. 5. P. 45–49. (In Chinese).

Zuo Fengrong 左凤荣 (2007). *Zhongguo de gaige kaifang shi dui Sidalin — Sulian moshi de fouding* 中国的改革开放是对斯大林—苏联模式的否定 [China's reform and opening-up is a negation of the Stalin–Soviet model]. *Zhongguo tese shehuizhuyi yanjiu* [Studies on Socialism with Chinese Characteristics]. No. 1. P. 11–16. (In Chinese).

Zuo Fengrong 左凤荣 (2013). *Pianmian jiedu sulian jiaoxun de you yi “lizuo” — ping “Sulian wangdang wangguo 20 nian ji: eluosi ren zai sushuo”* 片面解读苏联教训的又一“力作”——评《苏联亡党亡国20年祭：俄罗斯人在诉说》 [Yet Another “Masterpiece” of One-Sided Interpretations of the Lessons of the Soviet Union — A Review of “The Twentieth-Year Memorial of the Demise of the Soviet Party and State: Russians speak”]. *Tansuo yu zhengming* [Exploration and Free Views]. No. 1. P. 29–37. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 20.08.2025. Received: 20 August 2025.

Принята к публикации: 22.09.2025. Accepted: 22 September 2025.